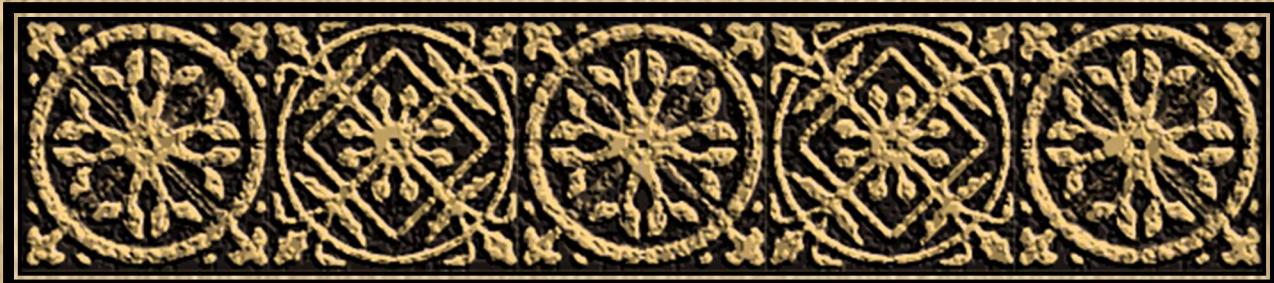

Роберт Фрост

ДРУГАЯ ДОРОГА

Роберт Фрост. ДРУГАЯ ДОРОГА

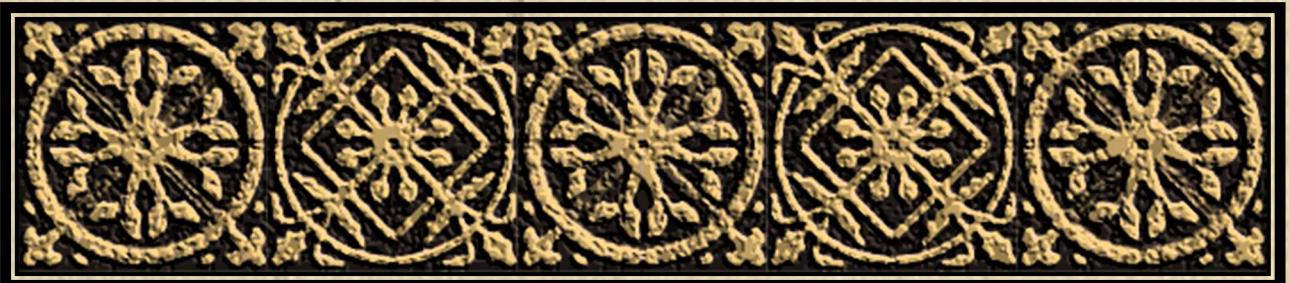
Данное издание не имеет ограничений по возрасту и полу.

Сборник стихотворений Роберта Фроста в переводе

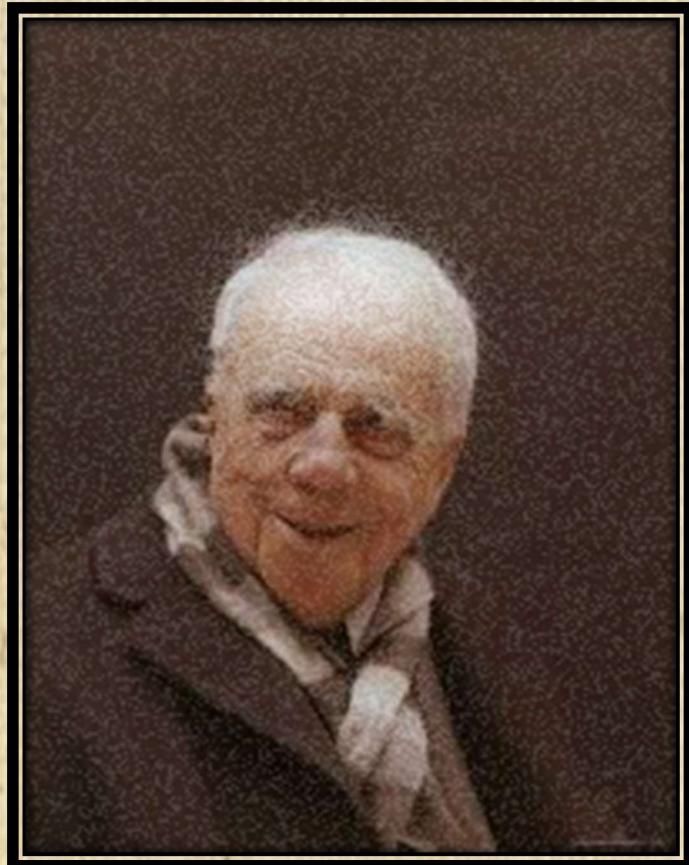
Григория Кружкова, Предисловие к сборнику – 2016 год

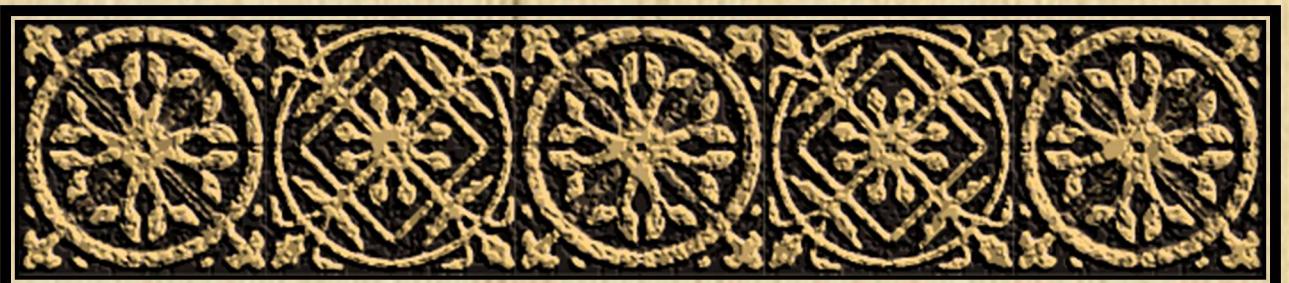

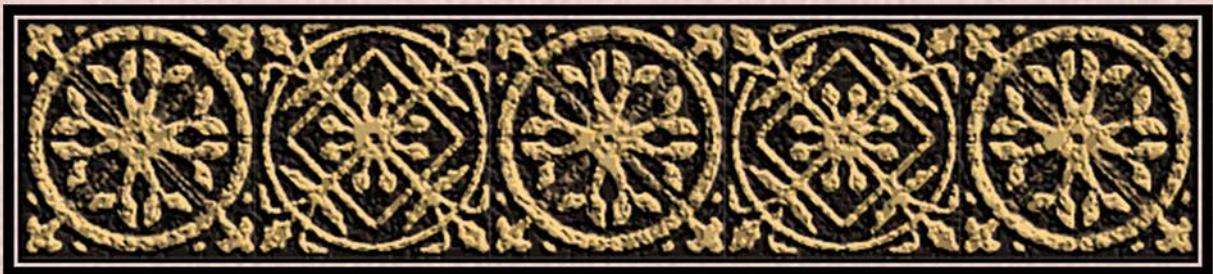
Роберт Фрост

Другая дорога

1864 - 1963

Предисловие

Крайний северо-восток Соединённых Штатов называется Новой Англией. Это заповедник американской культурной «почвы». Именно здесь происходили события, заложившие основу современного американского общества, именно на этой земле жили те, чьё творчество стало отправным пунктом современной американской истории и культуры – Эмерсон, Дикинсон, Торо...

В Новой Англии есть большие города, например, Бостон, но, в основном, это – земля фермеров, людей суровых и неулыбчивых, под стать окружающей их природе американского севера, напоминающей, кстати, Средний Урал. И вот в этой неприветливой среде, в местечке Дерри, жил-был один фермер, по всем меркам – неудачник. Два раза он учился в университете и оба раза курс обучения оставил незавершённым. Пробовал заниматься животноводством – тоже ничего не вышло. Осталось ему только сажать картошку, кое-как сводя концы с концами. Была у него, правда, красавица жена,

но... женская красота – явление временное, а семья при бедности только прибавляет забот...

И писал этот фермер-неудачник стихи. Мудрые стихи о природе, о любви, о нехитрых событиях фермерской жизни. Писал без авангардистских вычурностей, используя традиционные стихотворные формы – ямб, сонет. Были у него и белые стихи, длинные, повествовательные, например, про то, как два соседа-фермера чинили стену, разгораживавшую их владения. И это в то время, когда американская поэзия буквально через несколько лет будет взорвана новыми ритмами, размерами, темами в творчестве таких поэтов, как Эзра Паунд, Томас Стернз Элиот, Уистен Хью Оден и Эдгар Ли Мастерс! Молодой поэт из Новой Англии при первой попытке опубликоваться был обозван романтиком и серьёзно не воспринят...

Даты жизни: 26.03.1874 – 29.01.1963;

Язык творчества: английский;

Страна: США, Англия.

Роберта Фроста принято считать любимым дедушкой Америки, но в России его воспринимают поэтом мрачной демонической моцци, ведущим трагический диалог души с природой.

Роберт Фрост: «Я не могу согласиться с теми, кто считает меня символистом, особенно таким, который занимается символизмом предумышленно; символизм

Вполне способен закупорить стих и уничтожить его. Символизм может быть так же опасен, как эмболия. Если нужно как-то окрестить мою поэзию, я предпочел бы называть ее эмблематизмом. Живая эмблема явлений — вот предмет моих поисков.»

«Поводом для стихотворения у Фроста может служить любой эпизод будничной жизни. Часто это работа — косьба, починка стены, расчистка родника, уход за теленком. Может быть — и того проще, что-то увиденное: высохший ручей, качающиеся на осеннем ветру деревья за окном, опушка заснеженного зимнего леса... И всякий раз Фрост за этой обыденностью открывает философскую глубину и многозначность.

Немалая часть творчества Фроста — это крупные (на сотни строк) сюжетные произведения, написанные традиционным для английской поэзии белым стихом и граничащие по жанру со стихотворными драмами. Однако, возможно, более ценную часть фростовского наследия составляют небольшие стихотворения, многие из которых обладают изысканным ритмическим рисунком и рифмой, в сочетании с простой и естественной разговорной речью, — в них философичность Фроста выступает в самом концентрированном виде.» — А. Шаракшанэ. Роберт Фрост. Биография, творчество и несколько переводов.

«Писать стихи Фрост начал ещё в юности, однако первая его книга вышла, когда ему было далеко за тридцать. После её публикации он довольно быстро получил признание. Но в течение очень долгого времени его творчество воспринималось критиками и читателями слишком поверхностно. В нём видели поэта (хотя и выдающегося), только лишь пишущего о природе и уходящем деревенском бытие Новой Англии. Недоброжелатели упрекали Фроста в архаичности стиля, "крестьянской" недалёкости и отжившей романтической манере.

В полной мере творчество Роберта Фроста, на самом деле глубокое, метафизическое, местами трагическое, было открыто начиная с 60-х годов.

В 1963 году был опубликован сборник русских переводов из Фроста. С тех пор Фроста переводили много. Наиболее известны переводы И. Кашикина, В. Топорова, А. Сергеева, Б. Хлебникова, Г. Кружкова, С. Степанова. Однако, хотя Фростом занимались хорошие переводчики, и в эту работу они вкладывали душу и всё своё умение, Фрост останется не до конца освоенным на русской почве – в том решающем смысле, что на языке оригинала он искренне и горячо любил читателями, а его переводы такой заслуженной любви у российских читателей пока не снискали.» – А. Шаракшанэ. Несколько переводов.

Существуют две главные трудности при переводе его поэзии: изощрённая, «узорная» rhyme и смысловая

полифония – когда один смысл насливается на другой, на него – третий, и вся эта идеяная многослойность прикрывается незамысловатостью сюжета и нарочитой простотой образов. Самым большим недостатком переводов стихов Фроста является то, что именно эти особенности фростовской поэтики нередко игнорируются: упрощается либо узор rhymeовки, либо смысл стихотворения.

Роберт Ли Фрост (Robert Lee Frost) – поэт, философ, гуманист, уже при жизни признанный классиком американской литературы. Обладавший редкой для поэтов этой страны популярностью, увенчанный всеми знаками официального признания. Он единственный поэт, четырежды удостоенный Пулитцеровской премии, самой престижной литературной награды США. Бронзовая медаль памяти Роберта Фроста изготовлена в 60-70-х годах прошлого века в США.

В 1962 году Н. Хрущёв пригласил Фроста в СССР. Приехав в Ленинград, Фрост попросил, чтобы его познакомили с Анной Ахматовой.

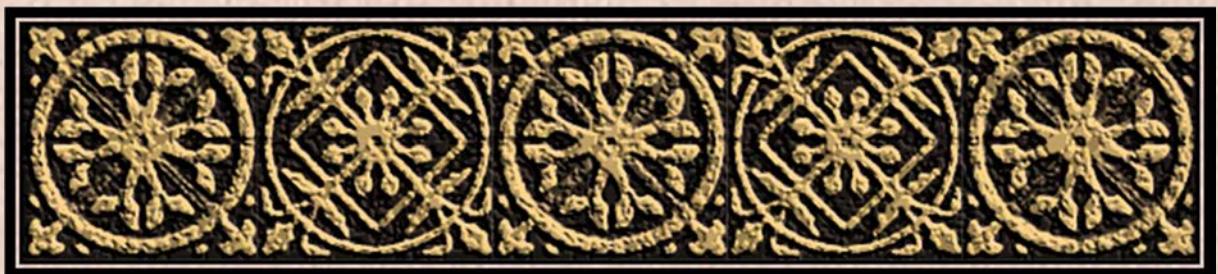
«...Не у меня же в будке его принимать. Потёмкинскую деревню заменила дача академика Алексеева. Не знаю уж, где достали такую скамерь, хрусталь. Меня причесали парадно, нарядили, все мои старались. Потом приехал за мной красавец Рив, молодой американский славист. Привёз меня заблаговременно. Там уже все волнуются,

суетятся. И я жду, какое это диво прибудет – национальный поэт.

И вот приходит стариочек. Американский дедушка, но уже такой, знаете, когда дедушка постепенно становится бабушкой. Краснолицый, седенький, бодренький. Сидим мы с ним рядом в плетёных креслах, всякую снедь нам подкладывают, вина подливают.

Разговариваем не спеша. А я всё думаю: «Вот ты, милый мой, национальный поэт, каждый год твои книги издают, и уж, конечно, нет стихов, написанных «в стол», во всех газетах и журналах тебя славят, в школах учат, президент, как почётного гостя принимает. А на меня каких только собак не вешали! В какую грязь не втаптывали! Всё было – и нищета, и тюремные очереди, и страх, и стихи, которые только наизусть, и сожжённые стихи. И унижение, и горе. И ничего ты этого не знаешь и понять не мог бы, если бы рассказал... Но вот сидим мы рядом, два старишка, в плетёных креслах. И словно бы никакой разницы. И конец нам предстоит один. А может быть, и впрямь разница не так уж велика?» – из воспоминаний А. Ахматовой.

Приятного Вам прочтения сборника поэзии «Другая дорога» в переводе Григория Кружкова.

ДРУГАЯ ДОРОГА

ЗА ВОДОЙ

Колодец во дворе иссяк,
И мы с ведром и котелком
Через поля пошли к ручью
Давно не хоженым путем.

Ноябрьский вечер был погож,
И скучным не казался путь —
Пройтись знакомою тропой
И в нашу рощу заглянуть.

Луна вставала впереди,
И мы помчались прямо к ней,
Туда, где осень нас ждала
Меж оголившихся ветвей.

Но, в лес вбежав, притихли вдруг
И спрятались в тени резной,

Как двое гномов озорных,
Затеявших игру с луной.

И руку задержав в руке,
Дыханье разом замая,
Мы замерли — и в тишине
Услышали напев ручья.

Прерывистый прозрачный звук:
Там, у лесного бочажка —
То плеск рассыпавшихся бус,
То серебристый звон клинка.

ДРУГАЯ ДОРОГА

В осеннем лесу, на развилке дорог,
Стоял я, задумавшись, у поворота;
Пути было два, и мир был широк,
Однако я раздвоиться не мог,
И надо было решаться на что-то.

Я выбрал дорогу, что вправо вела
И, повернув, пропадала в чащобе.
Нехоженей, что ли, она была
И больше, казалось мне, заросла;
А, впрочем, заросшими были обе.

И обе манили, радуя глаз

Сухой желтизною листвы сыпучей.
Другую оставил я про запас,
Хотя и догадывался в том час,
Что вряд ли вернутся выпадет случай.

Еще я вспомню когда-нибудь
Далекое это утро лесное:
Ведь был и другой предо мною путь,
Но я решил направо свернуть —
И это решило все остальное.

ЖЕЛТОГОЛОВАЯ СЛАВКА

Ее, наверное, слыхал любой
В лесу, примолкшем к середине лета;
Она поет о том, что песня спета,
Что лето по сравнению с весной
Куда скучней, что листья постарели,
Что прежних красок на лужайках нет
И что давно на землю облетели
Цвет грушевый и яблоневый цвет;
Она твердит, что осень на пороге,
Что все запорошила пыль с дороги;
Примкнуть к терпенью смолких голосов
То ли не может, то ли не желает
И спрашивает, даром что без слов:
Как быть, когда все в мире убывает?

В ПЕРЕКРЕСТЬЕ ПРИЦЕЛА

В разгаре боя, метя в чью-то грудь,
Шальная пуля низом просвистела
Вблизи гнезда — и сбить цветок успела,
И с паутины жемчуг отряхнуть.
Но перепелка, подождав чутЬ-чуть,
Опять к птенцам писклявым прилетела,
И бабочка, помедля, вновь присела
На сломанный цветок передохнуть.
С утра, когда в траве зажглась роса,
Повис в бурьяне, вроде колеса,
Сверкающий каркас полуопрозрачный.
От выстрела его качнуло вдруг.
Схватить добычу выскоцил паук,
Но, не найдя, ретировался мрачно.

ПЛЕННАЯ И СВОБОДНАЯ

Любовь Земле принадлежит,
Привычен ей объятий плen,
Уютно под защитой стен.
А Мысль оград и уз бежит,
На крыльях дерзостных парит.

В снегу, в песках, в глухих лесной

Проложены Любви следы,
Ей не в обузу все труды.
Но Мысль, избрав удел иной,
С ног отряхает прах земной.

На Сириусе золотом
Она, умчав, проводит ночь;
А на заре стремится прочь —
Сквозь пламень звездный напролом,
Дымя обугленным крылом.

Но, говорят, раба Земли —
Любовь — таит в себе самой
Все то, чего, враждую с тьмой,
Взыскиует Мысль, бродя вдали
В межгалактической пыли.

ТЕЛЕФОН

«Я очень далеко забрел, гуляя,
Сегодня днем,
Вокруг
Стояла тишина такая...
Я наклонился над цветком,
И вдруг
Услышал голос твой, и ты сказала
Нет, я ослышаться не мог.

Ты говорила с этого цветка
На подоконнике, ты прошептала...
Ты помнишь ли свои слова?»

«Нет, это ты их повтори сперва».

«Найдя цветок,
Стряхнув с него жука
И осторожно взяв за стебелек,
Я уловил какой-то тихий звук.
Как будто шепот «приходи» —
Нет, погоди,
Не спорь, — ведь я расслышал хорошо!»

«Я так могла подумать, но не вслух».

«Я и пришел».

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Мы и не знали, что навстречу или
Вдоль изгороди луга: я спускался
С холма и, как обычно, замечтался,
Когда заметил вдруг тебя. В пыли,
Пересеченной нашими следами
(Мой след огромен против твоего!),
Изобразилась, как на диаграмме,
Дробь — меньшие двух, но большие одного.
И точкой отдалил твой зонтик строгий

Десятые от целого. В итоге
Ты, кажется, забавное нашла...
Минута разговора протекла.
И ты пошла вперед по той дороге,
Где я прошел, а я — где ты прошла.

ПОБЕСЕДОВАТЬ С ДРУГОМ

Если друг, проезжая, окликнет меня,
У ограды придерживая коня, —
Я не стану стоять как вкопанный,
Озираясь на свой участок невскопанный,
И кричать «В чем дело?» издалека,
Вроде как оправдываясь недосугом.
Нет, воткну я мотыгу в землю
торчком —
Ничего, пускай отдохнет пока! —
И пойду через борозды прямиком
Побеседовать с другом.

ЛЯГУШАЧИЙ РУЧЕЙ

В июне умолкает наш ручей.
Он то ли исчезает под землею
(И в темноту уводит за собою
Весь неуемный гомон майских дней,
Все, что звенело тут на всю округу,

Как призрачные бубенцы сквозь выюгу) —
То ли уходит в пышный рост хвоицей
И в кружевные кущи бальзаминов,
Что никнут, свой убор отцеветший
скинув.

Лишь русло остается, в летний зной
Покрытое слежавшейся листвой,
Случайный взгляд его найдет едва ли
В траве. И пусть он не похож сейчас
На те ручи, что барды воспевали:
Любимое прекрасно без прикрас.

КОРОВА В ЯБЛОЧНЫЙ СЕЗОН

Что за наитье на нее находит?
Весь день корова наша колобродит
И никаких оград не признает.
Единожды вкусив запретный плод,
Увядший луг она презрела гордо.
Пьянящим соком вымазана морда.
Лишь падалица сладкая одна
Ей в мире вожделенна и важна.
Ее из сада с бранью выгоняют;
Она мычаньем к небесам вызывает,
И молоко в сосцах перегорает.

ПОТЕМНЕВШЕГО СНЕГА ЛОСКУТ

Потемневшего снега лоскут
У стены, за углом, —
Как обрывок газеты, к земле
Пригвожденный дождем.
Серой копотью весь испещрен,
Словно шрифтом слепым...
Устаревшие новости дня,
Что развеялся в дым.

СТАРИК ЗИМНЕЙ НОЧЬЮ

Тьма на него таращилась угрюмо
Сквозь звезды изморози на стекле —
Примета нежилых, холодных комнат.
Кто там стоял снаружи — разглядеть
Мешала лампа возле глаз. Припомнить,
Что привело его сюда, в потемки
Скрипучей комнаты, — мешала
старость.
Он долго думал, стоя среди бочек.
Потом, нарочно тяжело ступая,
Чтоб напугать подвал на всякий случай,
Он вышел на крыльце — и напугал
Глухую полночь: ей привычны были
И сучьев треск, и громкий скрип деревьев,
Но не полена стук по гулким доскам.

...Он светом был для одного себя,
Когда сидел, перебирая в мыслях
Бог знает что, — и меркнул тихий свет.
Он поручил луне — усталой, дряхлой,
А все же подходящей, как никто,
Для этого задания стеречь
Сосульки вдоль стены, сугроб на крыше:
И задремал. Полено, ворохнувшись
В печи, его встревожило: он вздрогнул
И тяжело вздохнул, но не проснулся.
Старик не может отвечать один
За все: и дом, и ферму, и округу.
Но если больше некому, — вот так
Он стережет их долгой зимней ночью.

«OUT, OUT...»¹

Гудела циркулярная пила
Среди двора, визгливо дребезжала,
Пахучие роняя чурбаки
И рассыпая вороха опилок.
А стоило глаза поднять — вдали
Виднелись горы, пять высоких гребней —
Там, где садилось солнце над Вермонтом.
Пила то дребезжала, напрягаясь,
То выла и гудела вхолостую.
Все было, как всегда. И день кончался.
Ну что бы им не пошабашить раньше,

Обрадовав мальчишку, — для него
Свободных полчаса немало значат!
Пришла его сестра позвать мужчин:
«Пора на ужин». В этот миг пила,
Как будто бы поняв, что значит «ужин»,
Рванулась и впилась мальчишке в руку
Или он сам махнул рукой неловко —
Никто не видел толком. Но рука!
Он даже сгоряча не закричал,
Но повернулся, жалко улыбаясь
И руку вверх подняв — как бы в мольбе
Или чтоб жизнь не расплескать. И тут
Он понял (он ведь был не так уж мал,
Чтоб этого не осознать, подросток,
Работавший за взрослого) — он понял,
Что все пропало. «Ты скажи, сестра,
Скажи, чтоб руку мне не отрезали!»
Да там уже и не было руки.
Врач услышал его эфирной маской.
Он булькнул как-то странно и затих.
Считавший пульс внезапно испугался.
Не может быть. Но... стали слушать
сердце.
Слабей — слабей — еще слабей — и все.
Что тут поделаешь? Умерший умер,
Живые снова занялись — кто чем.

¹— Аллюзия на фразу из знаменитого монолога Макбета о тщетности и краткости жизни: «Out, out brief candle!» («Так гасни, гасни же, свечи огарок!»)

ЧТОБ ВЫШЛА ПЕСНЯ

Был Ветер не обучен пенью
И, необузданно горласт,
Ревел и выл, по настроению,
И просто дул во что горазд.

Но человек сказал с досадой:
Ты дуешь грубо, наобум!
Послушай лучшее — вот как надо,
Чтоб вышла песня, а не шум.

Он сделал вдох — но не глубокий,
И воздух задержал чутъ-чуть,
Потом, не надувая щеки,
Стал тихо, понемногу дуть.

И вместо воя, вместо рева —
Не дуновение, а дух —
Возникли музыка и слово.
И Ветер обратился в слух.

ВРАСПЛОХ

И каждый раз, когда порой полночной,
В таинственный и тихий час урочный,
Снег шелестящий, белый снег с небес
Посыпается на голый, черный лес,

Я удивленно, робко озираюсь,
И возвожу глаза, и спотыкаюсь,
Застыгнутый врасплох, — как человек,
Который разлучается навек
И со стезей своей, и с белым снегом,
Томимый неисполненным обетом
И не свершив начатого труда, —
Как будто бы и не жил никогда.
Но прежний опыт говорит мне смело,
Что царство этой оторопи белой
Пройдет. Пусть, пелена за пеленою,
Скрывая груды опали лесной,
По пояс снега наметут метели,
Тем звонче квакши запоют в апреле.
И я увижу, как сугроб седой
В овраги склонят малою водой
И, яркой змейкой по кустам петляя,
Исчезнем. И придет пора иная.
О снеге вспомнишь лишь в березняке,
Да церковку заметя вдалеке.

ДЕНЬ ГОЛУБЫХ МОТЫЛЬКОВ

День голубых весенних мотыльков!
Небесные цветы парят, мелькая.
Еще не скоро у земных цветов
Накопится голубизна такая.
Они парят — и только не потом;

И, с каждым взмахом опускаясь ниже,
Опустошенные, к земле прильнут,
Где врезан след колес в апрельской жиже.

ВСЕ ЗОЛОТОЕ ЗЫБКО

Новорожденный лист
Не зелен — золотист.
И первыми листами,
Как райскими цветами,
Природа тешит нас:
Но тешит только час.
Ведь, как зари улыбка,
Все золотое зыбко.

К ЗЕМЛЕ

Любви коснуться ртом
Казалось выше сил;
Мне воздух был щитом,
Я с ветром пил

Далекий аромат
Листвы, пыльцы и смол.
Какой там Вертоград
В овраге цвел?

Кружилась голова,
Когда жасмин лесной
Кропил мне рукава
Росой ночной.

Я нежностью болел,
Я молод был, пока
Ожог на коже тмел
От лепестка.

Но постыла кровь,
И притупилась боль;
И я пирую вновь,
Впивая соль

Давно просохших слез;
И горький вкус коры
Мне сладостнее роз
Иной поры.

Когда горит щека,
Исколота травой,
И замекла рука
Под головой,

Мне эта мука всласть,
Хочу к земле корней
Еще плотней принастырь,
Еще болезней.

О ДЕРЕВЕ,
УПАВШЕМ ПОПЕРЕК ДОРОГИ
(Пусть оно слышит!)

Ствол, рухнувший под написком мечели
На просеку, не то чтобы всерьез
Хотел нам преградить дорогу к цели,
Но лишь по-своему задать вопрос:
Куда вы так спешите спозаранок?
Ему, должно быть, нравится игра:
Заставить нас в сугроб сойти из санок,
Гадая, как тут быть без топора.
А, впрочем, знает он: помехи тщетны,
Мы не свернем — хотя бы нам пришлось,
Чтоб замысел осуществить заветный,
Руками ухватить земную ось
И, развернувшись, устремить планету
Вперед, к еще неведомому снегу.

Э. Т — У¹

Глаза смежив, я уронил на грудь
Твоих стихов раскрытый белый том:
Как голубь на кладбищенской плиме,
Он трепетал распластанным крылом.

Я отыскать тебя хотел во сне,
Хотел договорить с тобою, брат;

Ты был из тех, кто, не боясь судьбы,
Жил как поэт и умер как солдат.

Мы думали, что тайн меж нами нет
И друг у друга нам не быть в долгу;
А получилось так, что я с тобой
Победой поделиться не могу.

Когда ты под Аррасом пал в бою
При вспышках орудийного огня,
Война окончилась лишь для тебя
В том час; а ныне — только для меня.

А для тебя том бой еще гремит;
И что мне жалкий фимиам побед,
Когда сказать тебе, что враг разбит, —
И этого мне умешенья нет?

¹ - Стихотворение посвящено памяти Эдварда Томаса, английского поэта, погибшего на Первой мировой войне, близкого друга Фроста.

ОСТАНОВИВШИСЬ НА ОПУШКЕ В СНЕЖНЫХ СУМЕРКАХ

Чей это лес — я угадал
Тотчас, лишь только увидал
Над озером заросший склон,
Где снег на ветви оседал.

Мой конь, заминкой удивлен,
Как будто с тряхивая сон,
Глядит — ни дома, ни огня,
Тьма да метель со всех сторон.
В дорогу он зовет меня.
Торопит, бубенцом звеня.
В ответ — лишь ветра шепоток
Да мягких хлопьев толкомня.
Лес чуден, темен и глубок.
Но должен я вернуться в срок;
И до ночлега путь далек,
И до ночлега путь далек.

УБЕЖАВШИЙ ЖЕРЕБЕНОК

Однажды, под ревущим в воздухе первым
снежком
Нам встретился жеребенок на горном
лугу. «Ты чей?»
Малыш, привстав на дыбки, махал
хвостом,
Поставив ногу на изгородь из камней.
Увидя нас, он заржал и пустился стрелой,
По мерзлой земле рассыпая маленький
гром,
Смутно мелькнул вдали — и пропал через
миг

В сумятице хлопьев, за снежною пеленой.
«Видно, он снега боится. Еще не привык
К зиме. Испугался метели — и наутек.
Если бы даже мать сказала ему:
Что ты! Это такая погода, сынок! —
Он бы и то вряд ли поверил ей.
Где его мать? Малышу нельзя одному».
Вот он опять возникает из серых теней,
Хвост задирая, скачет назад во весь дух,
Снова лезет на изгородь, перепуганный
Весь,
Встряхиваясь, будто шальных отгоняя
Мух.
«Кто бы его ни оставил так поздно здесь,
В час, когда есть у каждой твари живой
Крыша своя и кормушка, — нужно
сказать,
Чтобы сходил за ним и привел домой».

ЧТО-ТО БЫЛО

Я, наверно, смешон, когда, склонившись
Над колодцем, но не умея глубже
Заглянуть, — на поверхности блестящей
Сам себя созерцаю, словно образ
Божества, на лазурном фоне неба,
В обрамлении облаков и листьев.
Как-то раз, долго взглядываясь в воду,

Я заметил под отражением четким —
Сквозь него — что-то смутное, иное,
Что сверкнуло со дна мне — и пропало.
Влага влагу прозрачную смущила,
Капля сверху упала, и дрожащей
Рябью стерло и скрыло то, что было
В глубине. Что там, истина блеснула?
Или камешек белый? Что-то было.

ОТТЕПЕЛЬ НА ХОЛМЕ

Неизнаваем снежный скат холма,
Когда миллионы серебристых змеек
Внезапно выскользнут из всех лазеек, —
Такая тум начнется кутерьма!
Нет, это выше моего ума —
Понять, как происходит это чудо;
Как будто солнце сдернуло с земли
Сопревший старый коврик — и оттуда
Сверкающие змейки поползли,
От света удирая врассыпную!
Но если б я решил переловить
Их мокрый выводок или схватить
За юркий хвостик ту или иную
И если б я полез напропалую
В их гущу, в суматоху ярких брызг —
Под дружный птичий гомон, смех и писк,
Клянусь, все это было бы впустую!

Для этого нужна луна. Точней,
Морозящие чары полнолуния.
Ведь если солнце — главный чародей,
То и луна, конечно же, колдунья.
(И, кстати, заклинательница змей!)

В седьмом часу, когда она всходила,
Загадочно мерцая и блестя,
На склоне сугуба еще царила.
Но поглядел я три часа спустя:
Вся масса змеек на бегу застыла
В причудливом оцепененье поз,
Повисла перепутанным каскадом.

Луна сквозь ветви голые берез
Их обвораживала цепким взглядом.
Куда девалась быстрота и прыть!
Теперь они во власти чародейки.
Всю ночь она их будет сторожить
На каждом кончике луча по змейке.
...Вот если бы и мне так ворожить!

ВСПОМИНАЯ ЗИМОЙ ПТИЦУ,
ПЕВШУЮ НА ЗАКАТЕ

День угасал в морозном блеске.
Я шел домой — и в перелеске,
Где стыла голая ветла,
Почудился мне взмах крыла.

Как часто, проходя здесь летом,
Я замирал на месте этом:
Какой-то райский голосок
Звенел мне, нежен и высок.

А ныне все вокруг молчало,
Лишь ветром бурый лист качало.
Два раза обошел я куст,
Но был он безнадежно пуст.

С холма в дали искристо-синей
Я видел, как садился иней
На снег — но он старался зря,
Серебряное серебря.

По небу длинною грядою
Тянулось облако седое,
Пророча тьму и холода.
Мигнула и зажглась звезда.

ЗАСТИНЬ ДО ВЕСНЫ

Прощай до весны, неокрепший мой сад!
Недобрые нам времена предстоят:
Разлука и стужа, ненастье и тьма.
Всю долгую зиму за гребнем холма
Один-одинешенек ты простишишь.

И я не хочу, чтобы кролик и мыши
Обгрызли кору твою возле корней,
А лось — молодые побеги ветвей,
Чтоб темперев почки клевать прилетал.
(Уж я бы их всех разогнал-распугал,
Я палкой бы им пригрозил! как ружьем!)
И я не хочу, чтоб случайным теплом
Ты мог обмануться в январские дни.
(Поэтому ты и посажен в тени,
На северном склоне.) И помни всегда,
Что оттепель нагубней, чем холода;
А буйные вытоги садам не страшны.
Прощай же! Стерни — и застынь до
весны.

А мне недосуг дожидаться тепла.
Другие меня призывают дела —
От нежных твоих плодоносных символов
К сухой древесине берез и дубов,
К зубастой пиле, к ремеслу топора.
Весной я вернусь. А теперь мне пора.
О, если б я мог тебе, сад мой, помочь
В ту темную, в ту бесконечную ночь,
Когда, онемев и почти не дыша,
Все глубже под землю уходит душа —
В своей одинокой, безмолвной борьбе...
Но что-то ведь нужно доверить Судьбе.

ХОХЛАТКА-ЛАУРЕАТКА

Такой бы курочке отличной
Блиставь на выставке столичной!
На окружной она была —
И все призы там забрала.

Свою белизною гладкой,
И красотою, и поварской —
От гребешка до коготков —
Она пленяла знатоков.

Да вы, наверное, слыхали:
Ее там образцом признали,
Единственным на целый свет.
Ну хоть рисуй с нее портрет!

Вот, после славы и шумихи,
Вернувшись в свой курятник тихий,
Она поклоны бьет пишеньу
И не торопится ко сну.

Смеркается. Ее хозяин,
С утра забеган и замаян,
Один, с пустым ведром в руке,
Задумался невдалеке.

Он, прислоняясь к стенке грязной,
Стремится вдаль мечтотою праздной.

В нем, как зарница сквозь туман,
Селекционный брезжит план.

Он верит в птичью королеву.
Он видит в ней прамамать Еву,
Чей новый, образцовый род
Мир унаследовать придет.

У ней здоровые привычки:
Шесть дней она кладет яички
По штуке в день, а на седьмой
Берет законный выходной.

Ее яйцо узнать несложно:
Оно защищено надежной
Весьма округлой и тупой
Коричневою скорлупой.

Ее сомненья не смущают,
Она свой ужин поглощает,
На человека не взглянув,
И сыто чистит сонный клюв.

У патентованной поилки
Помарит, разгребет опилки
И камешек блестящий съест.
Теперь попить — и на насест.

Насест — предел ее полета.

Осталось растолкать кого-то
И с той, и с этой стороны,
На то и крылья ей даны.

Темно. В окошки снег стучится.
А здесь — что может здесь случиться?
Проквохчет кто-нибудь со сна,
И вновь — покой и тишина.

Курятник неказист снаружи,
Но он — заслон ветрам и стуже,
Благоразумия оплот,
И — перспективу он дает.

ГОРНЫЙ СУРОК

Кто живет под кривой ольхой,
Кто вверху, под гнилой стрехой, —
Словом, всякий себе жилище
По душе да по росту ищет.

Ну а я обитаю в норке
На крутом щебнистом пригорке,
И поскольку мне хвост мой дорог,
Я копаю еще отнорок.

Я на камне сижу открыто,
Отступление — моя защита.

Обеспечив тылы надежно,
Вид беспечный принять несложно.

Есть у всех у нас, жить охочих,
Свой особый тихий свисточек:
При малейшем тревожном знаке —
Юрк! — и ты в безопасном мраке.

И покуда злодеи близко,
Лучше пересидеть без риска,
Все обдумать дважды и трижды,
Попоститься — но время выждать.

А когда удаляются волки
И затихнет эхо двустволки
(Как проходят война и чума
И всеобщий вывих ума).

Можешь быть, мой дружок, уверен,
Что я здесь и что я намерен
Оставаться здесь же и впредь
И на мир с высока смотреть,

Потому что, как я ни мал
По сравнению с масштабом Скал,
Но зато я чуткий и зоркий
И умею прятаться в норке.

БЕЛОХВОСТЫЙ ШЕРШЕНЬ

В сарае дровяном под потолком
Гнездо подвесил белохвостый шершень.
Ружейным дулом смотрит круглый вход,
Откуда он выносится как пуля —
Как пуля, что лави्रует в полете
И потому без промаха разит.
О, это — удивительный боец:
Как ни маши отчаянно руками,
Он безошибочно находит брешь,
Чтоб в самую ноздрю меня ужалить!
Наверное, таков его инстинкт.
Но где ж природная непогрешимость,
Раз может он так ложно толковать
Мои намеренья, — не признавая
Во мне то исключение из правил,
Каким я сам себя привык считать?
Уж я-то не позарюсь, как мальчишка,
На дом его — фонарик подвесной
Из желтой гофрированной бумаги.
Нет, он меня как жалил, так и жалит
Без жалости: мол, кубарем катись! —
И слушать не желает объяснений.

Таков он, как хозяин, — у себя.
В гостях он не в пример миролюбивей.
На мух охотясь у балконной двери,
Он к вам не проявляет ни вражды,

Ни подозрительности. Пусть присядет
Вам на руку, не бойтесь потерпеть
Щекотку этих тонких, цепких лапок.
Его интересуют только мухи,
Корм для его личинок-переростков.
Тут он в своей стихии; но и тут...
Я видел, как бросался он в атаку
На шляпку вбитого в косяк гвоздя;
Еще наскок! — и снова неудача.
«Да это просто гвоздь. Железный гвоздь».
Обескураженный таким конфузом,
Он долбанул черничинку — точь-в-точь
Как футболист пинает мяч с досады.
«И цвет не тот, и запах, и размер, —
Сказал я, — три существенных ошибки».
Но вот он, наконец, заметил муху.
Метнулся — и промазал. А нахалка
Еще в насмешку сделала петлю
И скрылась. Если бы не эта муха,
Я мог предположить, что он был занят
Сравнением поэтическим — гвоздя
И мухи или мухи и чернички:
Какое сходство — просто чудеса!
Но этот промах с настоящей мухой...
Сказать по правде, он меня смущил
И возбудил серьезные сомненья.

А что, если слегка перетряхнуть
Ученье об инстинктах — устоит ли?

И много ли незыблемых теорий?
Ошибки свойственны лишь человеку,
Мы говорим. И, вознося инстинкты,
Теряем больше, чем приобретаем.
Причуды наши, преданность, восторг —
Все это перешло под стол собакам;
Так отомстила нам любовь к сравненьям
По нисходящей линии. Пока
Сравненья наши шли по восходящей,
Мы были люди — лишь ступенью
Пониже ангелов или богов.
Когда же мы в сравнениях своих
Спустились до того, что разглядели
Свой образ чуть ли не в болотной жиже,
Настало время разочарований.
Нас поглотила по частям животность,
Как тех, что откупались от дракона
Людскими жертвами. Из привилегий
Осталось нам лишь свойство ошибаться.
Но впрямь ли это только наше свойство?

ФИГУРА НА ПОРОГЕ

Осия затяжной подъем дороги,
Наш поезд шел средь стертых гор
Пологих.
Вокруг дубки юнецкие росли,
И камня было больше, чем земли.

Пейзаж тянулся, мрачноват и скуден,
Но в то же время не совсем безлюден.
Мужчина, долговязый и худой,
Лачуги дверь загородив собой,
Стоял, на поезд проходящий глядя.
Как лежа умешался этот дядя
В своем жилище, я не понимал.
Но он здесь жил и вроде не страдал
От одиночества. Бродила хрюшка
Поблизости и курица-пеструшка.
Не так уж мало! Грядок шесть иль пять,
Колодец, бак, чтоб дождик уловлять,
И для печи — дубовые поленья.
Он знал и кой-какие развлеченья:
На поезд поглазеть, где за окном
Мы спорим, мельтешим, едим и пьем, —
И даже, если вдруг найдет такое,
Небрежно вслед нам помахать рукою.

ВЕСТНИК

Гонец с недоброй вестью,
Добравшись до полути,
Смекнул: опасное дело
Недобрую весть везти.

И вел, подскакав к развилке.
Откуда одна из дорог

Вела к престолу владыки.
Другая за горный отрог,

Он выбрал дорогу в горы,
Пересек цветущий Кашмир,
Проехал рощи магнолий
И прибыл в страну Памир.

И там, в глубокой долине,
Он девушку повстречал.
Она привела его в дом свой,
В приют у подножья скал.

И рассказала легенду:
Как некогда караван
Китайскую вез принцессу
По этим горам в Иран.

На свадьбу с персидским принцем
Свата ее везла,
Но оказалось в дороге,
Что девушка — тяжела.

Такая вышла заминка,
Что ни вперед, ни назад,
И хоть ребенок, конечно,
Божественно был зачат,

Они порешили остаться —

Да так и живут с тех пор —
В Долине мохнатых яков,
В краю Поднебесных гор.

А сын, рожденный принцессой,
Царя получил права:
Никто не смел прекословить
Наследнику божества.

Вот так поселились люди
На диких склонах крутых.
И наш злополучный Вестник
Решил остаться у них.

Не зря он избрал это племя,
Чтобы к нему примкнуть:
И у него был повод
Не продолжать свой путь.

А что до недоброй вести,
Погибельной для царя, —
Пускай на пир Валмасару
Ее принесет заря!

БУК

Средь леса, в настоящей глухомани,
Где, под прямым углом свернув к поляне,

Пунктир воображаемый прошел,
Над грудого камней игла стальная

Водружена, и бук, растущий с краю,
Глубокой раной, врезанною в ствол,
Отмечен тут, как Дерево-свидетель
Напоминать, докуда я владетель,

Где мне граница определена.
Так истина встает ориентиром
Над бездной хаоса, над целым миром
Сомнений, не исчерпанных до дна.

ШЁЛКОВЫЙ ШАТЕР

Она как в поле шелковый шатер,
Под ярким летним солнцем поутру,
Неудержимо рвущийся в простор
И вольно парусящий на ветру.
Но шест кедровый, остирем своим
Сквозь купол устремленный к небесам,
Как ось души, стоит неколебим
Без помохи инуров и кольев сам.
Неощутимым напряженьем уз
Любви и долга к почве прикреплен,
Своей наилегчайшей из обуз
Почти совсем не замечает он:

И лишь, когда натянемся струна,
Осознаем, что эта связь прочна.

**СЧАСТЬЕ ВЫИГРЫВАЕТ В СИЛЕ ТО,
ЧТО ПРОИГРЫВАЕТ ВО ВРЕМЕНИ**

О мир ветров и гроз!
Так много он пронес
Над нами туч слоистых,
Туманов водянистых
И обложных дождей,
Так мало было дней,
Не омрачивших тьмою,
Как траурной каймою,
Безоблачную гладь, —
Что можно лишь гадать,
Чем так душа согрета,
Каким избытком света —
Не тем ли ярким днем,
Что вывел нас вдвоем
В распахнутые двери?
Воистину я верю,
Что в нем все дело, в нем!
Лучился окоем,
Цветы глаза слепили.
И мы с тобою были
Одни, совсем одни —
На солнце и в тени.

ВОЙДИ!

Только я до опушки донел,
Слышу — песня дрозда!
А в полях уже сумрак стоял,
А в лесу — темнота.

Так темно было птице в лесу,
Что она б не могла
Даже ветку свою разглядеть,
Даже первя крыла.

Но последние отблески дня,
Что потух за холмом,
Еще грели певца изнутри
Ускользавшим теплом.

Далеко между мрачных колонн
Тихий посвист звучал,
Словно ждал и манил за собой
В темному и печаль.

Но никак не хотелось — от звезд —
В этот черный провал,
Если б даже позвали: «Войди!»
Но никто не позвал.

ПУСТЬ ВРЕМЯ ВСЕ ВОЗЬМЕТ

Нет, Время это подвигом не мнит —
Разрушить горный пик до основанья.

В песок прибрежный превратить гранит:
Без огорченья и без ликованья

На дело рук своих оно глядит.
И вот — на месте вздыбленного кряжа

Мелькнет насмешливым изгибом рта
Зализанный волнами контур пляжа...

Да,держанность — понятная черта
Пред этой вечной сменою пейзажа.

Пусть Время все возьмет! Мой скарб
земной

Да будет он изъят и уничтожен.
Зато я сберегу любой ценой

То, что провез я мимо всех таможен:
Оно мое, оно всегда со мной.

CARPE DIEM ¹

Старик, взглянувшись в сумрак,
Заметил двух влюбленных,
Бредущих то ли к дому,
То ли в лесок соседний,
То ли на звон церковный.
Он колебался: можно ль
Окликнуть незнакомцев,
Чтоб пожелать им счастья.
(Промедлил, не решился.)

«Живите, наслаждайтесь,
Ловите миг счастливый!» —
Принев извечный старых.
То Старость, призывая
Срывать младые розы,
Стараётся стихами
Предостеречь влюбленных,
Которые от счастья,
Того гляди, забудут,
Что счастьем обладают.

Но как ловить мгновенье?
Оно скорей в грядущем,
Чем в настоящем миге.
А и того вернее —
В минувшем. Мир текущий
Тревожен, взвихрен, спутан

И чересчур к нам близок,
Чтобы его увидеть.

¹ - Лови день (лат.) — из стихотворения Горация.

ВЕТЕР И ДОЖДЬ

1

Я вспомнил через много лет
Летящий лист, холодный свет,
Осенних вихрей свист и вой...
На ветер опершись спиной,
Я пел, вернее, подывал
В самозабвении слепом,
А ветер сзади подпирал
И мчал меня, как листвев ком.
Я пел о смерти — но не знал,
Как много умираний ждет
Живущего. Когда б на миг
Певец, неопытный постиг,
Какая вещая тоска
В нем жалуется и поет!
Нет, недостойно языка
О темном умолчать, одной
Любуюсь светлой стороной.
Ведь то, о чем поет дитя,
И обмирая, и грустя, —
Всё, всё исполнится судьбой.

Цветы пустынь живут,
Довольствуясь водой,
Которую с вершины снеговой
К ним по канавкам вырытым ведут.
И все же тут какой-то есть изъян;
Чтобы ростку от влаги распрямиться,
Сперва под ливнем должен он склониться.
Я поднял бы на воздух океан
Одной огромной облачною тучей,
Закрывшей небеса из края в край,
И, прокатив торжественно над сушей,
Всю, не скучаясь, опорожнил
Над распустившимся цветком: пускай
Уносит лепестки поток кипучий
(Лишь бы бутонам он не повредил!)

И сам бы встал под брызжащую тучей.

Вода — не только для корней и губ.
Пускай всего меня поток омоет,
Пусть хлещет по плечам, могуч и груб.

Есть то, чего и объяснять не стоит.

Дождь — как вино (такой в нем хмель
сокрыт),
Как солнце, что ласкает и пьяним.
Всю жизнь не мог я усидеть под крышей,
Дождь на дворе заслыша.

Я выбегал, какой бы ни был час,
В ночь и в туман, под громы и под грозы.
И дождь катился по щекам, как слезы
Моих давным-давно иссяких глаз.

НЕ БОЛЕЕ ТОГО

Весь мир, казалось, вымер или спал;
Кричи иль не кричи — не добудимся.
Лишь из-за озера, с лесистых скал,
Взлетало эхо, как шальная птица.
Он требовал у ветра, у реки,
У валунов, столпившихся сурово,
Не отголоска собственной тоски,
А встречного участия живого.
Но тищетны были и мольба, и зов,
Когда внезапно там, на дальнем склоне,
Раздался торопливый треск кустов
И кто-то с ходу, словно от погони
Спасаясь, бросился с размаху вплавь —
И постепенно с плеском и сопением
Стал приближаться, оказавшись въявь
Не человеком, а большим оленем,
Что встал из озера, в ручьях воды,
Взошел на камни, мокрый и блестящий,
И, оставляя темные следы,
Вломился снова в лес — и скрылся в чаще.

НЕИЗВЕСТНОМУ СОРВАНЦУ
(Умешительно-философское)

Горя азартом, как перед рыбалкой,
Схватил топор отцовский — и пошел;
Нет, елочки моей тебе не жалко,
Ты с двух ударов подрудбаешь ствол,
Берешь под ручку и влечешь с собою
Дикарку леса, пахнущую хвойей.
Я бы купил тебе (о том ли речь?)
Другую — попушистей этой елку,
Лишь бы свои посадки уберечь.
Но что в благотворительности толку
И что без приключений Рождество?
Ты прав: не будем омрачать его.
Твой праздник с роицей моей в раздоре;
Но даже там, где бездна пролегла,
Гораздо чаще речь идет о споре
Добра с добром, а не добра и зла:
Вот почему двурушинают боги,
Когда мы к ним взываем о подмоге.
И пусть, опутанная мишурой,
Ель-пленница в своей тоске зеленої
Разлучена с небесною звездой —
Стеклянная звезда — ее корона —
Пускай и мне издалека блеснет,
Чтоб с легким сердцем встретить Новый
год.

МОТЫЛЬКУ,
ВСТРЕЧЕННОМУ ЗИМОЙ

Вот тебе теплая моя рука,
Согретая в кармане, — приземляйся,
Серебряный лоскутик черноглазый,
Что отдохает, распуская крылья
В накраах бурых. (Я б назвал тебя,
Дружи я с бабочками, как с цветами.)
Скажи-ка мне теперь, как ты рискнул
Пуститься на такую авантюру:
Зимой любимую себе искать?
Нет, погоди, дослушай! Я-то вижу,
Во что они обходятся тебе —
Полет и непосильная свобода.
Не обретешь ты пары, не мечтай.
Есть что-то человечье в этой доле,
Извечное глухое невезенье,
Несовпаденье сроков и судьбы.
Ты прав, что толку сожалеть! Лети же,
Пока ты не погаснешь на ветру.
Должно быть, мудрости твоей нехитрой
Хватило догадаться, что рука,
Протянутая мной непроизвольно
Над бездной, разделившей нас с тобой,
Зла не таит и жизнь твую не сгубит.
Не сгубит, верно; но и не спасет.
Мне бы свою продлить еще немного.

СЕРЬЕЗНЫЙ ШАГ,
ПРЕДПРИНЯТЫЙ ШУТЯ

На карте меж двух холмов,
Похожих на два репейных пучка,
Лежал головастик с тонким хвостом —
Озеро и река.

А точка рядом была,
Наверное, городком,
Где мы бы с тобой могли купить —
Буквально задаром — дом.

Заглушив усталый мотор,
Мы постучались в дверь,
Вошли в чужой, незнакомый дом,
И нашим он стал теперь.

Немало за триста лет
Сменилось в этом краю
Старых фамилий, старых семей.
А мы утвердим свою

На триста грядущих лет —
И будем землю пахать,
Крышу чинить, разводить коров,
Изгородь подправлять.

Вот так будем жить да жить

И переживем спроста
Тысячу мод, дюжину войн
И президентов полста.

НЕОБЫЧНАЯ КРАПИНКА

(Микроскопическое)

Я б эту крапинку и не заметил,
Не будь бумажный лист так ярко светел;
Она ползла куда-то поперек
Еще местами не просохших строк.
Уж я перо занес без размышленья
Пресечь загадочное шевеленье,
Но, приглядевшись, понял: предо мной —
Не просто крохотная шелушинка,
Колеблемая выдохом пушинка,
Нет, эта крапинка была живой!
Она помедлила настороженно,
Вильнула — и пустилась наутек;
На берегу чернильного затона
Понюхала — иль отпила глоток —
И опрометью бросилась обратно,
Дрожа от ужаса. Невероятно,
Но факт: ей не хотелось умирать,
Как всякому из мыслящих созданий;
Она бежала, падала, ползла
И, наконец, безвольно замерла

И съежилась, готовая принять
Любую участь от всесильной длань.
Я не могу (признаюсь честно в том)
Любить напропалую, без изъятий,
Как нынче модно, «наших меньших
братьи».
Но эта кроха под моим пером! —
Рука не поднялась ее обидеть.
Да и за что бедняжку ненавидеть?
Я сам разумен и ценю весьма
Любое проявление ума.
О, я готов облобызать страницу,
Найдя на ней разумную крупицу!

БЛУЖДАЮЩАЯ ГОРА (Астрономическое)

Быть может, эту ночь проспали вы;
Но если бодрствовали (как волхвы),

То видели, наверно, ливень звездный —
Летящий блеск, таинственный и грозный?

То — Леониды, метеорный град;
Так небеса, разбушевавшись, мстят

Мятежникам, что свет свой сотворили,
Как вызов Ночи — темной древней силе.

Все эти вспышки — холостой салют,
Они лишь пеплом до земли дойдут —

Столь мелким, что и в утренней росинке
Не сыщешь ни единой порошинки.

И все же в этом знаменье сокрыт
Намек на то, что есть шальной болид,

Гора, что в нас працюю балеарской
Нацелена со злобою дикарской;

И эту гору беспощадный Мрак
От нас покуда прячет в Зодиак

И хладнокровно, как перед мишенью,
Лишь выжидает верного мгновенья,

Когда ее сподручней в нас метнуть —
Чтоб мы не увернулись как-нибудь.

УРОК НА СЕГОДНЯ ¹

Будь смутный век, в котором мы живем,
Воистину так мрачен, как о том
От мудрецов завзятых нам известно,
Я бы нестал его, с налёту, клясть:

Мол, чтоб ему, родимому, пропасть!
Но, не сходя с насиженного кресла,
Веков с десяток отлистал бы вспять
И, наскребя латыни школьной крохи,
Рискнул бы по душам потолковать
С каким-нибудь поэтом той эпохи —
И вправду мрачной, — кто подозревал,
Что поздно родился иль слишком рано,
Что век совсем не подходящ для муз,
И все же пел Диону и Диану,
И *ver aspergit terram floribus*²,
И старый стих латинский понемногу
К средневековой рифме подвигал
И выводил на новую дорогу.

Я бы сказал: «Ты не был никому
Шутом, ниж и Карлу самому;
Отвешь мне, о глава Придворной школы,
Открой, как педагогу педагог, —
С Вергилием равняться ты не мог,
Но виноват ли в этом век тяжелый?»
Твой свет не проницал глухую тьму;
Но та же тьма, храня, тебя скрывала.

Нет, ты на время не кивал нимало.
Ты понимал, что тот судья не прав,
Кто сам свою эпоху обвиняет,
Кто судит, выше времени не став.
Взять нынешних — они уж точно знают,

Какой у века вывихнут сустав:
Не оттого ли их стихи хромают?
Они пытались разом все объять,
Собрать в одну охапку, поднатужась,
Весь мусор фактов. Мы пришли бы в
ужас,
Распухли бы от сведений дурных —
И никогда бы не сумели их
Переварить, от столбняка очнуться
И в образ человеческий вернуться,
А так и жили бы, разинув рот,
В духовном ступоре... Хоть мы с тобою
Совсем не мистики, наоборот.

Мы изнутри судить свой век не можем.
Однако — для примера — предположим,
Что он и в самом деле нехорош,
Ну что ж, далекий мой собрат, ну что ж!
Кончается еще тысячелетье.
Давай событие славное отмметим
Ученым диспутом. Давай сравним
То темное средневековье с этим;
Чье хуже, чье кромешней — поглядим,
Померимся оружием своим
В заочном схоластическом сраженье.

Мне слышится, как ты вступаешь в
пренъя:
Есть гниль своя в любые времена,

Позорный мир, бесчестная война.
Что говорить, бесспорное сужденье.
В основе всякой веры — наша скорбь.
Само собою, так. Но илеч не горбь;

Добавь, что справедливость невозможна
И для пола выбор не велик —
Трагический иль шутовской парик.
Все это правильно и непреложно.
Ну, а теперь от сходства перейдем
К различью — если мы его найдем.
(Учти, мы соревнуемся в несчастье,
Но строго сохраняя беспристрастие.)

Чем современный разум нездоров?
Пространством, бесконечностью миров.
Мы кажемся себе, как в окуляре,
Под взглядами враждебными светил,
Ничтожною колонией бацилл,
Кишащих на земном ничтожном шаре.
Но разве только наш удел таков?
Вы тоже были горстью червяков,
Кишащих в прахе под столою Божьей;
Что, как ни сравнивай, — одно и то же.

И мы, и вы — ничтожный род людской.
А для кого — для Космоса иль Бога,
Я полагаю, разницы немногого.
Аскет обсерваторий и святой

Затворник, в сущности, единой мукой
Томяется и единою тщетой.
Так сходятся религия с наукой.

Я слышу, как зовешь ты на урок
Свой Палатинский класс. Узнайте ныне,
Значение ехеи по-латыни —
«Увы!». Сие запоминайте впрок.
О, рыцари, сегодняшний урок
Мы посвятим смиренью и гордыне.

И вот уже Роланд и Оливье
И все, другие, рыцари и пэры,
В сраженьях закаленные сверх меры,
Сидят на ученической скамье,
Твердя горацианские примеры,
Притом, как чада христианской веры,
Обдумывая смерть и бытие.

Мemento mori и Господь помилуй.
Богам и музам люб напев унылый.
Спасение души — нелегкий труд.
Но если под контролем государства
Спасаться, то рассеются мытарства,
Обетованное наступит царство
И небеса на землю низойдут
(В грядущем, видимо, тысячелетье).

Оно второе будет или третье —

Неважно. Аргумент весом вполне
В любое время и в любой стране.
Мы — иль ничто, иль Божье междометье.
Ну, наконец, приехали! Маршрут,
Для всех философов обыкновенный:
С какой они посылки ни начнут,
Опять к универсалиям придут,
Сведут в конце концов на Абсолют
И ну жевать его, как лошадь — сено.

А для души — что этот век, что том.
Ты можешь мне поверить наперед:
Ведь это я в твои уста влагаю
Слова. Я гну свое, но подкрепляю
Твою позицию — так королю
И передай. Эпоха мрачновата

Всегда — твою ли взять или мою.
Я — либерал. Тебе, аристократу,
И невдомек, что значит либерал.
Изволь: я только подразумевал
Такую бескорыстную натуру,
Что вечно жаждет влезть в чужую
шкуру.

И я бы тронул руку старика,
Сжимающую посох, и слегка
Откинулся бы в кресле, потянувшись,
И, усмехнувшись про себя, сказал:

«Я „Эпитафию“ твою читал».

На днях забрел я на погост. Аллейки
В то утро были сирры и пусты.
Лишь кто-то вдалеке кропил из лейки
В оградке тесной чахлые цветы
(Как будто воскресить хотел подобья
Ушедших лиц). А я читал надгробья,
Прикидывая в целом, что за срок
Отпущен человеку — к этой теме
Все более меня склоняет время.
И выбор был изысканно широк:
Часы, и дни, и месяцы, и годы.
Один покойник жил сто восемь лет...

А было бы недурно ждать погоды
У моря, пожинать плоды побед
Научных — и приветствовать открытия,
И наблюдать дальнейшее развитие
Политики, искусств и прочих дел,
Но притязаниям нашим есть предел.

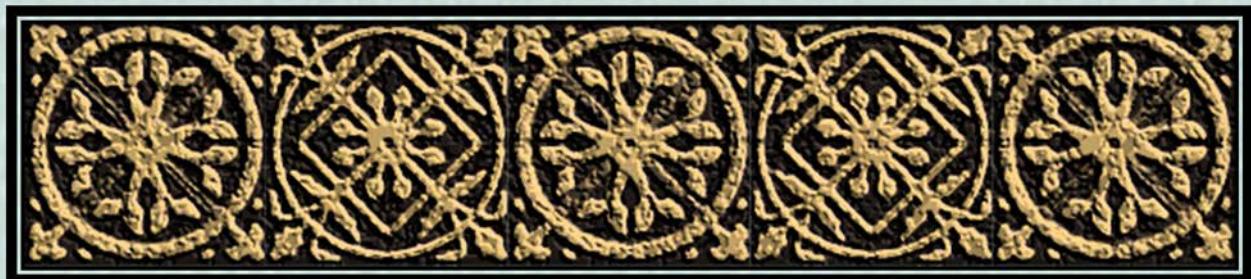
Мы все на крах обречены в финале;
Всех, кто когда-то что-то начинал,
И Землю в целом ждет один финал.
Отсюда столько в прозе и в стихах
Слезоточивой мировой печали.
(На что я лично искренне чихал.)

Утраты жизни, денег иль рассудка,
Забвенье, боль отверженной любви —
Я видел все. Господь благослови...
Кого же? Вот бессмысленная шутка.
Раз никому судьбы не обороть,
Да сам себя благословит Господь!

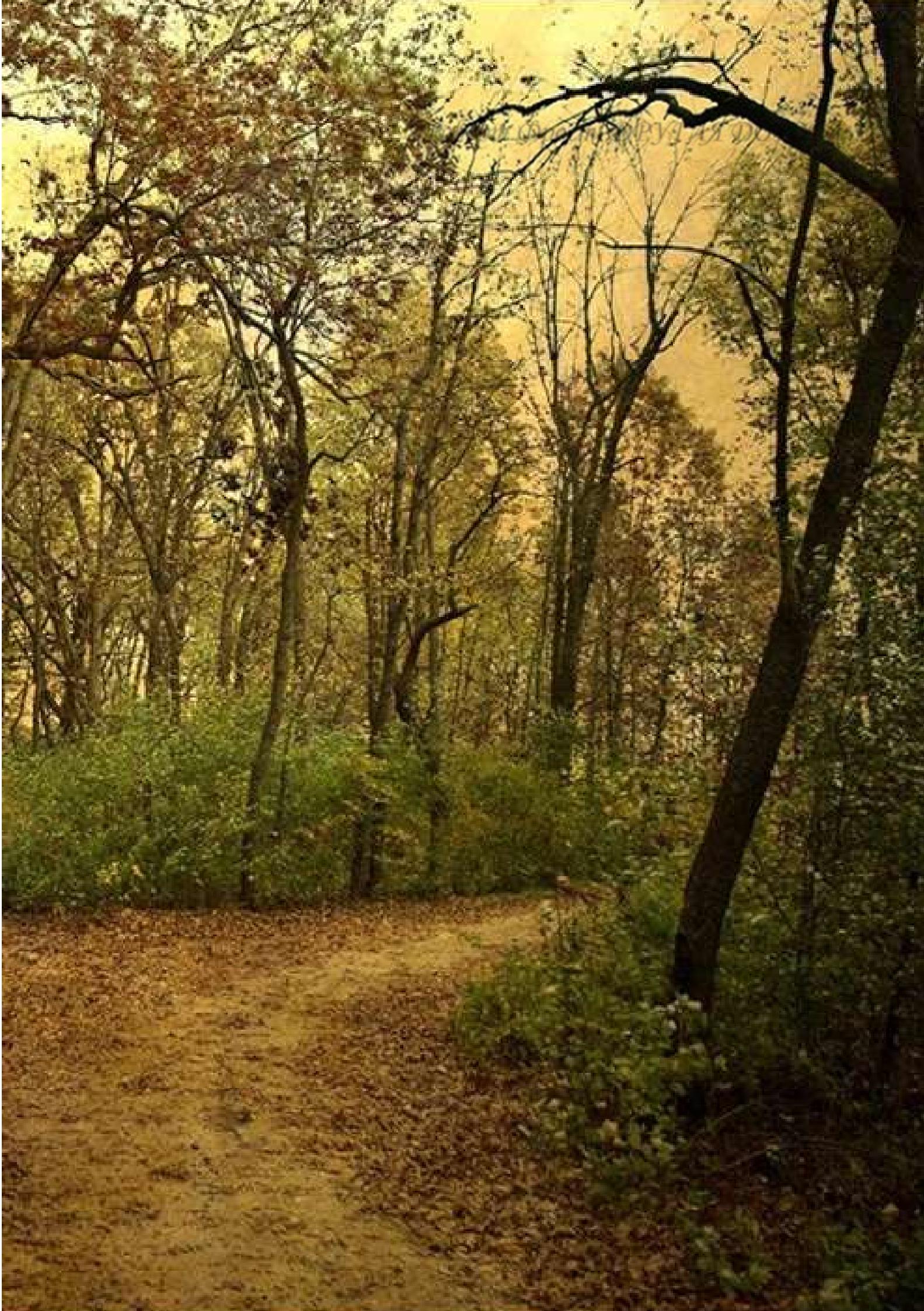
Я помню твой завет: *Memento mori*,
И если бы понадобилось вскоре
Снабдить надгробной надписью мой прах,
Вот эта надпись в нескольких словах:
Я с миром предыдал в любовной ссоре.

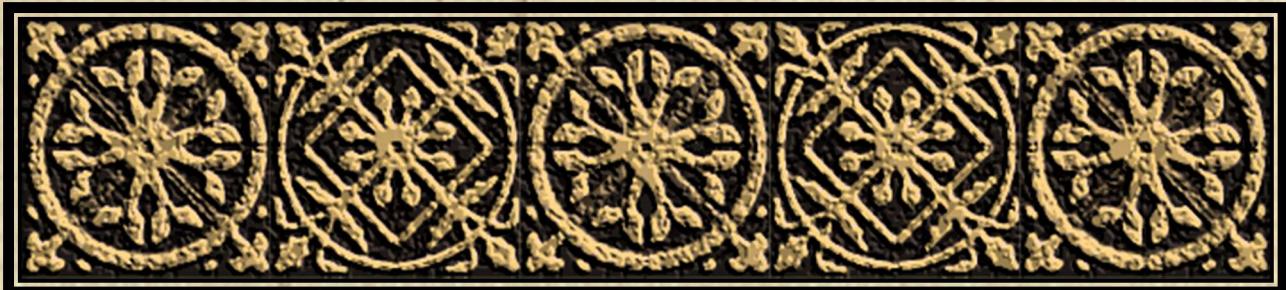
¹ - Стихотворение закончено в 1941 г. Поэт-собеседник, к которому обращается в нем Фрост, — Алкуин, английский поэт при дворе французского короля Карла Великого, глава так называемой Каролингской Академии.

² - *Весна рассыпает цветы по земле* (лат.) — строка из стихотворения Алкуина «Эпитафия самому себе». Оттуда же — латинская фраза в заключительном отрывке: «*Memento mori* » — помни о смерти.

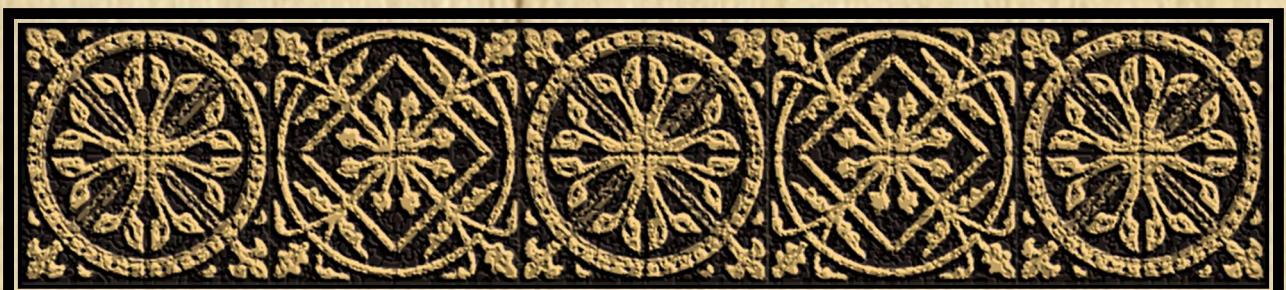

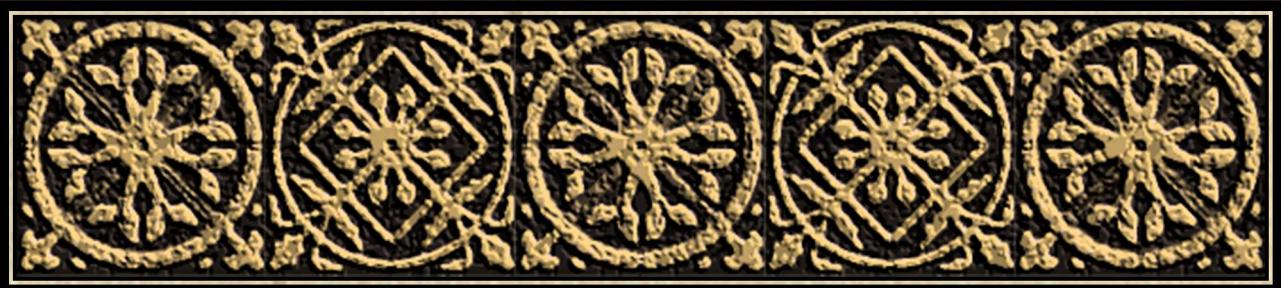

Содержание

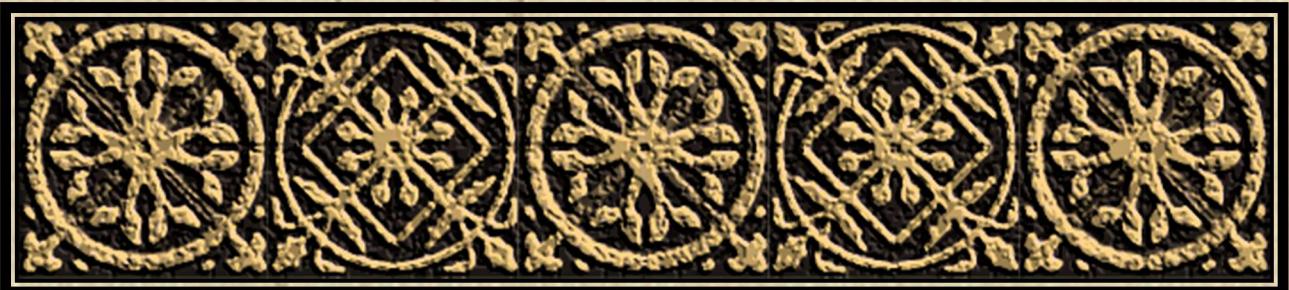
1. Роберт Фрост. ДРУГАЯ ДОРОГА	стр.1
2. Форзац,	стр.2
3. Роберт Фрост	стр.3
4. Предисловие	стр.4
5. ДРУГАЯ ДОРОГА	стр.14
 За водой	стр.14
Другая дорога	стр.15
Желтоголовая славка	стр.16
В перекрестье прицела	стр.17
Пленная и свободная	стр.17
Телефон	стр.18
Первая встреча	стр.19
Побеседовать с другом	стр.20
Лягушачий ручей	стр.20
Корова в яблочный сезон	стр.21

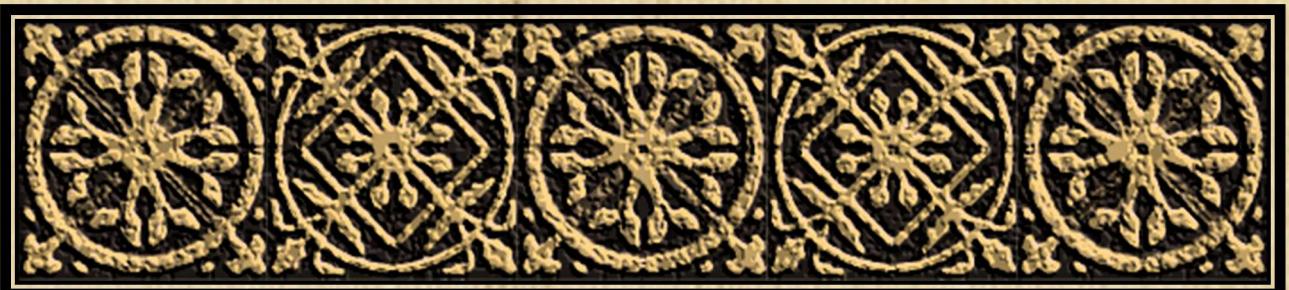

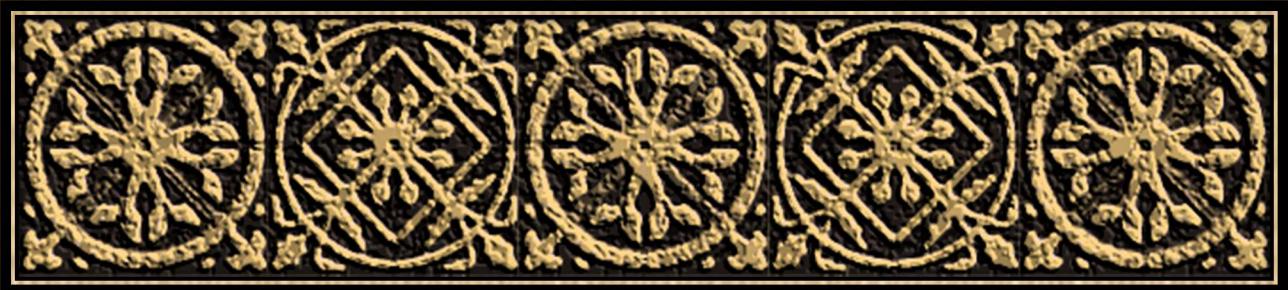
Потемневшего снега лоскут	стр.22
Старик зимней ночью	стр.22
«OUT, OUT...»	стр.23
Чтоб вышла песня	стр.25
Врасплох	стр.25
День голубых мотыльков	стр.26
Всё золотое зыбко	стр.27
К земле	стр.27
О дереве, упавшем поперёк дороги	стр.29
Э. Т — У	стр.29
Остановившись на опушке в снежных сумерках	стр.30
Убежавший жеребёнок	стр.31
Что-то было	стр.32
Отмепель на холме	стр.33
Вспоминая зимой птицу, певшую на закате	стр.34
Застынь до весны	стр.35
Хохлатка-лауреатка	стр.37
Горный сурок	стр.39
Белохвостый шершень	стр.41
Фигура на пороге	стр.43
Вестник	стр.44

Бук	стр.46
Шёлковый шатёр	стр.47
Счастье выигрывает в силе то, что проигрывает во времени	стр.48
Войди!	стр.49
Пусть время всё возьмёт	стр.50
CARPE DIEM	стр.51
Ветер и дождь	стр.52
I	стр.52
II	стр.53
Не более того	стр.54
Неизвестному сорванцу	стр.55
Мотыльку, встреченному зимой	стр.56
Серьёзный шаг, предпринятый шумя	стр.57
Необычная крапинка	стр.58
Блуждающая гора	стр.59
Урок на сегодня	стр.60
6. Содержание	стр.68
7. Форзац	стр.71
8. Окончание	стр.72

Роберт Фрост

Предисловие

ДРУГАЯ ДОРОГА

Редактор: Амидала

Художественный редактор: Амидала

Технический редактор: Asqwerty

Ответственный за выпуск: Asqwerty

Оформление: Амидала

Утверждено к публикации: 13.01.2016

Формат документа: (A4) 27,9 x 21; 72 стр.

Тираж: Без ограничений.

2016 г.